

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 13

**Санкт-Петербург
2013**

IV. Хроника научной жизни

О.В. Кулишова

**«Homo ludens: игровое начало в жизни античного общества»
(межвузовская преподавательско-студенческая научная
конференция на Историческом факультете СПбГУ,
5 марта 2013 г.)***

Традиции научного студенческого кружка кафедры истории древней Греции и Рима насчитывают уже не одно десятилетие, его создание связано с именем Ксении Михайловны Колобовой, заведующей кафедрой истории древней Греции и Рима в 50-60-х гг. XX в. Важнейшей целью работы кружка является активизация научно-исследовательской работы студентов и развитие у них навыков публичного выступления. Особую роль в этом отношении играет организация научных студенческих конференций. Особенностью конференций, которые проводит кафедра истории древней Греции и Рима и Центр антиковедения СПбГУ, является то, что в них наряду со студентами участвуют сотрудники кафедры всех уровней – от аспиранта до профессора. Такой формат научного общения с преподавателями для студентов представляется чрезвычайно полезным, ведь именно так закладываются основы приобщения к научному сообществу и корпоративное самосознание. Традиция этих конференций начала свою историю с 2005 г., и за последние годы их состоялось уже восемь. Темы, которые выбирались для этих научных встреч, были весьма разнообразны, но, как правило, всегда актуальны и значимы для жизни современного общества: «Историк и общество в античном мире» (2005); «Политические партии в античном мире» (2006); «Античный город» (2007); «Религия в жизни античного общества» (2008); «Проблемы государственной и нацио-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01013-а1 «Маска в античном театре: происхождение, семантика, основные контексты функционирования».

нальной идентичности в античном мире» (2009); «Биография как жанр исторического описания в греко-римской литературе» (2010); «Интеллектуальная элита в античном мире» (2011).

Последняя конференция «Homo ludens: игровое начало в жизни античного общества» состоялась 5 марта 2013 г. Она была посвящена теме игры, всеобъемлющий характер которой в контексте развития общества и культуры неоднократно подчеркивается в современной научной литературе. На конференции эта тема была представлена с разных сторон, в центре внимания докладчиков оказались игры во время пиров (симпосиев), театральная игра на сцене, сакральные игры и их отражение в искусстве, театрализованные церемонии в политике. Кроме того, в докладах были затронуты и некоторые вопросы теоретического характера, связанные с обсуждением важнейших исследований по теме игры в новейшей науке, среди которых укажем, прежде всего, на работы Й. Хейзинги и Р. Кайуа¹.

Программа конференции включала обсуждение семи докладов. Открылась конференция докладом д.и.н., проф., зав. кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ Э.Д. Фролова «Ферамен и Критий: игра в коттаб на пороге смерти». Избранный докладчиком сюжет – достаточно редкостный, во всяком случае, в научной литературе нового времени он не часто становился предметом специального изучения. Между тем, игра в коттаб в классической Греции была непременным атрибутом застолья. Суть игры состояла в том, что один из участников пира старался выплеснуть остатки вина из чаши таким образом, чтобы попасть стружкой напитка в какую-либо недалеко отстоящую цель, например, в другую чашу. Докладчик охарактеризовал само содержание игры, отметил, что она была, возможно, сицилийского происхождения и пользовалась популярностью в классический период, особенно в V в. до н.э. Но, помимо чисто игрового момента, сюжет с коттабом запечатлен также в политической жизни греков. Автор доклада остановился специально на драматическом эпизоде заключительного столкновения знаменитых афинских политиков Ферамена и Крития. По свидетельству Ксенофонта, принужденный выпить чашу с ядом Ферамен, подражая игре в коттаб, выплеснул остатки напитка, посвятив их своему недругу Критию. По мнению Э.Д. Фролова, в этом эпизоде отчетливо отразилась свойственная просвещенным грекам глубокая ирония, с которой они умели относиться и к людям, и к событиям.

Доклад студентки IV курса вечернего отделения кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ Е.Г. Астафьевой (научный руководитель – д.и.н., проф. Н.С. Широкова) «Игры с быком в минойском искусстве» был посвя-

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992; Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007.

щен теме древнейших сакральных игр на Крите. Автор доклада отметила, что важнейшей ипостасью мужского божества минойского Крита был образ быка, при этом главной и самой распространенной формой почитания божественного быка была тавромахия, или игры с быком, которые проводились либо для умилоствления Посейдона-землеколебателя, либо как жертва Великой богине. Эти священные игры нашли отражение во множестве образцов минойского искусства, важнейшими из которых являются: фреска тореадора из восточного крыла Кносского дворца (первая половина XV в. до н.э.); статуэтка акробата из слоновой кости (середина XVI в. до н.э.), также найденная в Кносском дворце; бронзовая группа из Регимнона (XIX-XVIII вв. до н.э.); золотое кольцо из Арханесса (XVI в. до н.э.); ритон из черного стеатита с виллы в Агия Триаде (вторая половина XVI в. до н.э.). Разбирая подробности ритуала, Е.Г. Астафьева подчеркнула, что свидетельства произведений искусства, из-за особенностей данного вида источников и при отсутствии литературной традиции, получили неоднозначную оценку исследователей. Так, в частности, в научной литературе предлагается два основных варианта реконструкции изображавшегося в минойском искусстве прыжка акробата: прыгун приближался к быку спереди, хватал его за рога, делал сальто назад над головой быка, приземлялся на спину животного, а затем спрыгивал на землю (по Эвансу); либо же начинал прыжок с подиума перед быком, или с плеч помощника, становился руками на шею животного, затем, выполнив кувырок и сальто назад, приземлялся за спиной быка (по Агнес Сакеллару).

А.С. Сапогов, аспирант I курса кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета (научный руководитель – д.и.н., проф. В.И. Кашеев), прочитал доклад на тему «*Ludus, flagrum, boves*: символика одного эпизода из жизни Кира Великого у Геродота (Hdt., I, 114)». Докладчик обратился к анализу той части сочинения «отца истории», где он рассказывает иранскую легенду, будто будущий царь воспитывался в семье пастуха. Согласно Геродоту, однажды во время игры дети, даже не догадываясь о царском происхождении Кира, избрали его царем; когда же один из участников игры, сын знатного мидянина Артембара, не выполнил приказания, Кир наказал его плетью. Мальчик пожаловался отцу, тот – царю Астиагу, который велел вызвать к себе пастуха с сыном, и во время разбора дела узнал в нём своего внука. То обстоятельство, что Кир, по сообщению Геродота, носил в это время какое-то другое имя, позволило автору доклада усмотреть в данном отрывке отражение ритуала инициации, при котором юноше давалось имя мужчины. Докладчик подчеркнул, что для обозначения игры Геродот использует глагол *παίζω*, который, по мнению Й. Хейзинги, может использоваться для обозначения всевозможных форм игры, вплоть до «самых высоких и самых священных». А.С. Сапогов заключил,

что в передаваемой Геродотом легенде можно наблюдать полисемантическую игру: в ней нашел воплощение эпизод с конкретными иранскими реалиями, она отражает иранский микрокосм с присущей ему иерархией, а также выполняет функцию предсказания – будучи названным царём в игре, Кир впоследствии становится им в реальности.

Следующие три доклада были посвящены теме античного театра и сценической игры. О.В. Кулишова, д.и.н., проф. кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ, в докладе «Театральная маска как атрибут и символ актерской игры» отметила, что маска, как хорошо известно, была существенной чертой театрального перформанса в древней Греции, однако контекст бытования и функционирования маски у древних греков был гораздо объемнее и, конечно, выходил за пределы театральных подмостков. С древнейших времен маска выступала элементом погребального ритуала, где особенно ярко, по мнению большинства исследователей древнегреческой религии, проявляется апотропеическая функция маски, которая сохранялась за маской и в то время, когда она существует уже в своей театральной ипостаси. Кроме глубоких сакральных корней театральной маски, которые традиционно усматривают в культе Диониса, О.В. Кулишова указала и на еще один источник оформления эстетики театральной маски: еще большее влияние, чем культ Диониса, могла иметь в этом отношении художественная (живописная и скульптурная) традиция древних греков. Автор доклада подробно остановилась на истории театральной маски, особенностях ее функционирования в театре, указав при этом, что маска в контексте взаимодействия публики и актеров оказывается, пожалуй, одним из самых ярких примеров так называемого невербального языка. В заключение О.В. Кулишова подчеркнула значение античной театральной маски в последующей европейской культурной традиции.

В докладе М.В. Поникаровской, аспирантки III курса кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ «Эсхил и сценическая игра: нововведения в театральное представление» (научный руководитель – д.и.н., проф. О.В. Кулишова) были рассмотрены новшества, привнесенные Эсхилом в жанр трагедии и искусство сценического действия. По замечанию автора доклада, античная трагедия до Эсхила была еще очень проста и сохраняла тесную связь с лирической поэзией, в ней преобладали песни хора, и она содержала слишком мало драматических элементов. Добавление к действию второго актера, осуществленное Эсхилом, разительно изменило характер трагедии и позволило разворачивать перед глазами зрителей настоящие драматические конфликты. В ранних трагедиях поэт делал акцент на самом действии, а не на героях, в более поздних его драмах внимание переместилось уже непосредственно к главным персонажам пьес. Это, наряду с применением разнообраз-

ной сценической обстановки, технических приспособлений, масок и костюмов, оживило действие и возвело драму из элемента религиозного культа в вид искусства. Таким образом, Эсхил, хотя и не был первым драматическим поэтом, явился подлинным «отцом трагедии». В его творчестве греческая трагедия достигла своей полной зрелости и стала самостоятельным литературным жанром, отвечавшим новым запросам общественной жизни.

О.А. Рыканцова, аспирантка III курса кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ в докладе «Хор как элемент сценического действия в комедиях Аристофана» (научный руководитель – д.и.н., проф. Э.Д. Фролов) обратилась к особенностям сценической постановки хоровых выступлений в Древней аттической комедии, в частности в комедиях Аристофана. По замечанию автора доклада, хор являлся исконным элементом древнегреческой драматургии и, безусловно, играл особую роль в комедии, выступая как одно из главных действующих лиц пьесы. В произведениях комедиографов выступление хора представляло собой сложное сочетание поэзии, музыки, пения и танцев. К сожалению, сохранившиеся тексты комедий не смогут передать полную картину этого действия, только отдельные замечания комментаторов – схолиастов, а также изображения комических сцен на греческих вазах позволяют отдаленно представить характер игры хоревтов. В заключение О.А. Рыканцова указала, что в поздний период творчества Аристофана, относящийся к началу IV в. до н.э., роль хора в комическом представлении значительно меняется, в формировавшемся типе Средней аттической комедии хор постепенно перестает играть роль персонажа пьесы.

Завершил программу конференции доклад Е.М. Берзон, студентки III курса дневного отделения кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ (научный руководитель – д.и.н., проф. О.Ю. Климов), на тему «Торжественный выход эллинистического царя». Автор доклада подчеркнула, что официальное явление эллинистического царя народу представляло собой тщательно запланированный церемониал, включавший в себе элементы театральности и царского культа и являвшийся своего рода «политической игрой». Одной из характерных для торжественного выхода царя черт является театрализация (в широком смысле) всего мероприятия, которая выражалась через пышность и блеск праздничных процессий. Поведение самих царей, членов их семьи и приближенных, «игравших» заданные роли, использование костюмов и специальных механических приспособлений – все это придавало церемонии сходство со сценическим представлением. Помимо этого, совершая официальный выход к народу, царь нередко стремился представить себя как воплощение божества, что также подчеркивает и сакральные черты мероприятия. Таким образом, подобная демонстрация превосходства монарха, его богатства, военной силы и славы являлась наглядным доказательством его власти и могущества, а потому це-

ремониальный выход царя играл значительную роль в укреплении взаимоотношений правителя со своими подданными и союзниками.

В заключительном обмене мнениями подчеркивалось, что свидетельством успешной работы конференции стал несомненный интерес, который характеризовал обсуждение докладов, представленных вниманию аудитории; кроме того, было предложено продолжить практику проведения тематических конференций в рамках межвузовского сотрудничества студентов и преподавателей.

Е. Берзон

**«Античность XXI века»
(научная студенческо-аспирантская конференция
в РГПУ им А. И. Герцена, 8 апреля 2013 г.)**

8 апреля 2013 года состоялась студенческо-аспирантская конференция, организованная Студенческим научным обществом кафедры Всеобщей истории Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. В конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и преподаватели из ведущих вузов Москвы и Санкт-Петербурга.

Программа конференции включала обсуждение шести докладов. Первые два доклада были связаны с проблемами истории древней Греции в классическую эпоху. Доклад Ксении Данилочкиной, студентки III курса РГГУ, г. Москва (научный руководитель – д.и.н. С.Г. Карпюк), был посвящен теме «Ксенические отношения в «Истории» Фукидида». Ольга Александрова, аспирантка I курса РГПУ им. А.И. Герцена (научный руководитель – к.и.н. А.Б. Шарнина), в докладе «Афинская колония на Самосе в V в. до н.э.: миф или реальность» затронула тему афинской колониальной политики. Особое внимание О. Александрова уделила вопросу о возможном существовании афинского поселения на Самосе после подавления там восстания, отметив, что данная проблема редко служила объектом особого интереса исследователей, прежде всего вследствие недостатка источников. Автор доклада обратилась к рассмотрению межевых камней, найденных на Самосе и содержащих указание на выделение части земли в темен богини Афины. О. Александрова пришла к выводу, что появление теменов Афины на Самосе свидетельствует об определенном вмешательстве Афин в дела острова, однако это вмешательство не являлось следствием подавления восстания, выведения колонии на территорию острова, либо выделения части его земель в государственное владение Афин.

Тема центрального управления в эллинистических государствах была затронута в докладе Екатерины Берзон, студентки III курса СПбГУ (научный руководитель – д.и.н. О.Ю. Климов), на тему «“Заведующий делами” в царстве Селевкидов: обязанности и полномочия». Опираясь на материалы нарративных и эпиграфических источ-

ников, автор доклада пришла к выводу, что в компетенцию $\acute{o} \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \tau\acute{o}\nu \pi\rho\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ входили все важнейшие государственные дела. Ближайший советник царя обладал широкими военными полномочиями, мог принимать решения по финансовым вопросам и, возможно, обладал судебной властью. Кроме того, он также оказывал большое влияние и на внешнюю политику государства, выполняя разнообразные дипломатические миссии и ведя переговоры. Помимо непосредственного участия в управлении, $\acute{o} \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \tau\acute{o}\nu \pi\rho\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ некоторым образом мог определять и саму внешнюю и внутреннюю политику государства, предлагая царю разные государственные проекты. В заключение Е. Берзон подчеркнула, что чрезвычайно высокое положение «заведующего делами» во многом определялось его личным влиянием на царя и тем доверием, которое оказывал монарх своему советнику. По замечанию автора доклада, именно неформальные отношения в большей степени обусловили реальную власть «заведующего делами» и его влияние на внешнюю и внутреннюю политику государства.

Следующие три доклада были посвящены истории и культуре Древнего Рима. Вячеслав Хрусталеv, ассистент кафедры Всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена, в своем выступлении «Эпикуреизм Тита Помпония Аттика» предпринял попытку дать ответ на вопрос, вызывающий острые дискуссии в историографии: насколько последовательным и глубоким был эпикуреизм Аттика? Проанализировав свидетельства источников (биографии Аттика, написанной Корнелием Непотом; переписки Цицерона; ряда философских диалогов Цицерона), В. Хрусталеv пришел к выводу, что эпикуреизм Тита Помпония Аттика был подлинным, а не показным, и он действительно старался придерживаться этого учения в повседневной жизни. По мнению автора доклада, Аттика при этом привлекал, прежде всего, такой раздел философии Эпикура, как этика, и этическую сторону его учения он воспринял наиболее полно; другие же разделы философии Сада, в частности, физика, вероятно, не интересовали его глубоко. Нина Метелица, магистрантка II курса РГПУ им. А.И. Герцена (научный руководитель – д.и.н. Т.В. Кудрявцева), выступила с докладом на тему «Императорский культ при Тиберии». Как подчеркнула Н. Метелица, распространение религиозного почитания императора для Тиберия было политической мерой, направленной на укрепление авторитета высшей власти, продолжением курса его приёмного отца, сам же Тиберий вряд ли верил в божественность своего предшественника и в свою собственную. По мнению автора доклада, распространение императорского культа в эпоху Тиберия было связано с применением на практике закона об оскорблении величия, что свидетельствовало об ужесточении внутренней политики Тиберия.

Последним на конференции был заслушан доклад Алены Зубаревой, магистрантки I курса РГПУ им. А.И. Герцена (научный руководитель – д.и.н. Т.В. Кудрявцева), «Августин о музыке». В выступлении были рассмотрены два ранних трактата Августина («О порядке» и «О музыке»), а также знаменитая «Исповедь», в которой приводятся ценные сведения о возникновении амвросианского пения, древнейшего для западной христианской церкви. А. Зубарева пришла к заключению, что, согласно пози-

ции Августина, музыка является воплощением божественного порядка, в ней царствует вечное бессмертное число, но при этом сама материя музыки – звук – имеет брентановскую телесную природу. Поэтому, хотя музыка и ведет к созерцанию абсолютной божественной красоты, но вместе с тем таит в себе опасное чувственное наслаждение. Эта двойственность трактовки, как считает автор доклада, связана во многом с противоречивостью натуры самого Августина, в которой сталкивались античное воспитание, воспламенившее его страстью к искусству, и христианская мораль, отрицающая наслаждение (в том числе эстетическое). Музыка в сочинениях Августина становится, по замечанию автора доклада, своеобразным зеркалом и его собственной личности, и всей переходной эпохи.

Таким образом, на конференции были представлены доклады на весьма разнообразные темы, в них рассматривались вопросы политики, философии, культуры и религиозной жизни античного общества. Необходимо отметить, что выступления вызвали неподдельный интерес со стороны аудитории, сопровождались оживленными дискуссиями и обсуждением. Очень важно сказать и о самой теплой и дружеской обстановке, в которой проходила вся конференция. В заключение я хочу выразить благодарность организаторам и участникам конференции, всем, кто помог реализовать этот проект! Будем надеяться, что «Античность в XXI веке – I» положит начало доброй традиции проведения подобных научных конференций-семинаров, в которых смогут принять участие и набраться бесценного опыта многие молодые антиковеды России.

А.И. Юрин

Кузьмин Ю.Н. Аристократия Беров в эпоху эллинизма. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 192. (Приложение № 4 к журналу «Аристей. Вестник классической филологии и античной истории»).

Публикация монографии по истории эллинистической Македонии явление крайне редкое, если не сказать исключительное для отечественной историографии. Более того, после распада СССР в свет не вышло ни одной книги, посвященной истории эллинистической Македонии и династии Антигонидов¹. Несмотря на возрастающий интерес в отечественном антиковедении к истории эллинизма, царство Антигонидов по-прежнему остается малоизученной областью². Безусловно, говорить о полном отсутствии внимания к

¹ Последней монографией об эллинистической Македонии Антигонидов была книга советского историка А. С. Шофмана: *Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 2. Македония и Рим. Казань, 1963.*

² В последние годы вышло несколько крупных работ, посвященных различным аспектам эллинистической эпохи: *Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005; Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009; Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства.*

истории эллинистической Македонии не приходится³, между тем труд Ю.Н. Кузьмина является единственной опубликованной монографией, относящейся к истории Македонии династии Антигонидов.

Рецензируемая монография стала логичным результатом многолетней работы Ю.Н. Кузьмина. Некоторые разделы книги были апробированы автором в ряде его докладов и публикаций, в чем он сам признается в самом начале работы (С. 7)⁴. Книга состоит из нескольких разделов: «Введение» (С. 9-22), «Глава I. Бероя: история и политическая организация» (С. 23-65), «Глава II. Аристократические семьи из Берои» (С. 66-99), «Заключение» (С. 100-101), «Приложения» (С. 102-139), в состав которых входят два самостоятельных очерка⁵, генеалогические таблицы и иллюстрации. В завершение приводится резюме на английском языке и библиографический список.

Во «Введении» Ю.Н. Кузьмин оговаривает следующие цели своей работы (С. 10): «Исследовать родственные связи между рядом жителей Берои эпохи

СПб., 2010; *Попов А.А.* Греко-бактрийское царство. СПб., 2008; *Сивкина Н.Ю.* Последний конфликт независимой Греции: Союзническая война 220-217 гг. до н. э. СПб., 2007; *Смирнов С.В.* Государство Селевка I: политика, экономика, общество. *Aristeas supplementa*. V. M., 2013.

³ Ряд последних работ, посвященных династии Антигонидов (помимо работ Ю.Н. Кузьмина) см.: *Зелинский А.Д.* Еще раз к проблеме датировки брака будущего Деметрия II и Стратоники // ПИФК. 2012. № 4. С. 214-228; *Семенов С.В.* Деметрий II Македонский и его военный союз с критской Горгиной: к вопросу о несостоявшейся гегемонии // История и историография зарубежного мира в лицах: межвузовский сборник научных статей. Самара, 2009. С. 3-9; *Смирнов С.В., Юрин А.И.* Эпистагы в государствах Антигонидов и Селевкидов // ПИФК. 2012. № 4. С.204-213; *Сивкина Н.Ю.* Греко-македонские отношения в конце III в. до н. э.: последняя попытка интеграции. Дисс... д. и. н. Иваново, 2010; *Юрин А.И.* Устав гимнасии из Берои первой трети II в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб., 2012. С. 117-126.

⁴ Речь идет о следующих публикациях Ю.Н. Кузьмина: 1) Македонская аристократическая семья из Берои // ВДИ. 2008. № 3. С. 152-161; 2) Пантавах, сын Балакра из Берои, и его семья // ВДИ. 2010. № 3. С. 135-140; 3) Каллиппа и Бероя // ВДИ. 2012. № 1. С. 147-154.

⁵ В первом приложении автор критикует гипотезу О. Палагии о связях диадоха Кассандра с Бероей (С. 102-107). Во втором автор рассматривает проблему совместного правления Антигона Гоната и Деметрия II (С. 107-123). И, хотя данный сюжет, как кажется, выходит за рамки данной работы (единственным связывающим звеном является тот факт, что все доказательства строятся на эпиграфическом материале из Берои), сам автор обосновывает это тем, что собственно идея написания данной монографии родилась во время работы над этим сюжетом (С. 123). Несмотря на то, что Ю.Н. Кузьмин уже подробно изложил свою позицию по этой проблеме вопросу, как в своей диссертации, так и в отдельной статье, данное приложение было дополнено рядом новых концепций, в частности, теорией Э. Гржибека (С. 113-117).

эллинизма, главным образом на примерах представителей трех знатных семей (Гарпалов-Полемеев, Балакров-Пантавхов и Гиппостратов-Каллиппов). При этом, сознавая, что реальные рамки работы уже, чем можно предположить, исходя из названия монографии, автор обосновывает свой выбор желанием избежать «громоздкости и необходимости добавления длинных пояснений в скобках» (С. 10). Более того, Ю.Н. Кузьмин утверждает, что наши источники не позволяют рассмотреть другие аспекты жизнедеятельности аристократических родов Берои, кроме как в сравнении с данными других македонских городов и регионов (С. 10-11). Между тем представляется, что именно ограниченность на просопографическом анализе является главным недостатком данного исследования. Автор рецензируемой монографии, без сомнений, располагает археологическими и эпиграфическими материалами (не говоря уже о письменной традиции), по которым можно проследить различные культурные и социально-экономические аспекты истории македонской аристократии времен Антигонидов⁶. Действительно, большая часть, по справедливому замечанию Ю.Н. Кузьмина, не относится к Берое, однако данный сравнительный анализ и включение в монографию этих разделов, пусть и обзорных, заметно усилили бы научную ценность рецензируемой публикации.

Задачи, которые ставит перед собой автор, сводятся к следующим пунктам: 1) «проследить взаимосвязь локальных элит и придворной аристократии Македонского царства»; 2) рассмотреть «вопрос о преемственности аристократических семей Берои царского и римского времени»; 3) «изучить проблему депортации македонской военно-политической элиты в Италию в 167 году до н.э.» (С. 11). В связи с этим автор оговаривает, что в отличие от целей работы, которые намеренно были сужены, хронологические рамки выходят за пределы эллинистической Македонии (С. 12). В завершении введения приводятся всевозможные упоминания о Берои и выходах из этого города эллинистического времени (С. 12-19) и историографический обзор по изучаемой теме (С. 19-22).

Первая глава состоит из трех параграфов, каждый из которых охватывает три разных сюжета. Первый из них, озаглавленный как «Исторический очерк» (С. 23-37), представляет собой не столько краткий обзор истории города, сколько перечисление письменных, археологических и эпиграфических упоминаний о Берое или ее жителях в различных исторических контекстах (V век до н.э. – I век н. э.). Между тем в данном разделе приводятся важные для дальнейшего

⁶ Например, мозаики со сценами охоты из Пеллы (см.: *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Wiley-Blackwell. 2010. Plate 20), эпиграфические сведения о земельных владениях знатных македонян в разных областях страны (например, см.: *Tziafalias A., Helly B.* 2010: *Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôson* // *Studi ellenistici.* 24, 71-125), переложение Титом Ливием (*Liv.XL.6-15*) рассказа Полибия о «потешных боях» царевичей Персея и Деметрия. Это перечен можно увеличить многократно.

понимания концепции автора постулаты. Прежде всего, Ю.Н. Кузьмин принимает точку зрения Ч. Эдсона о происхождении Антигонидов из Берои (С. 28-32). При этом автор не склонен все известные факты сводить к этой версии и ставит под сомнение некоторые гипотезы (например, мнение А. Татаки о «портрете» Медузы, возведенной в Берое одним из последних Антигонидов – С. 31-32). Также с определенной осторожностью Ю.Н. Кузьмин соглашается с П. Пасхидисом, считающим, что в Берое также была принята асилия храма Асклепия на острове Кос (С. 34). Хотя реконструкция названия города как «Пидна» также весьма вероятно, поскольку данный декрет был принят другими приморскими городами Македонии (Пелла, Кассандрия, Амфиполь, Филиппы).

Второй параграф «Македонские города эллинистической эпохи и политическая организация Берои» (С. 37-56) посвящен, на наш взгляд, одной из самых актуальных тем в изучении политических институтов эллинистического периода. Взаимоотношения полисов и царской власти – отличительная черта эллинизма. Несмотря на небольшой и обзорный характер данного параграфа автору удалось в сжатом виде изложить основные аспекты и проблемы изучения политической организации македонских городов. В державе Антигонидов, как справедливо отмечает Ю. Н. Кузьмин (С. 38), города можно разделить на несколько категорий (старые македонские города, города основанные царями и греческие полисы), что определяет специфику политической системы Македонии. Несмотря на это автор отмечает, что все македонские города в эллинистическое время обладали широким уровнем внутреннего самоуправления и имели такие общегреческие политические институты как народное собрание, совет, коллегия магистратов и т. д., которые управлялись в соответствии с городским законодательством (С. 38-51). Однако при этом цари могли вмешиваться во внутреннюю жизнь города, а в крупных полисах находился специальный чиновник (эпистат), являвшийся посредником между царем и городскими органами (С. 39, 46). Бероя, как и другие македонские города, обладала тем же набором характеристик, а на эпиграфическом материале этого города можно четко проследить сферы вмешательства царя в жизнь полиса. Также автор выделяет черту Берои (присущую и другим македонским городам), где бразды правления принадлежали аристократии (С. 51), что проявлялось в различном уровне доступа к общественным зданиям (гимнасий – С. 51-52) и наличию имущественного ценза (С. 53).

Завершается данный параграф небольшим описанием самого города на основе, прежде всего, археологических данных. В приложении можно найти полезный план античной Берои (илл. 11). При этом автор отмечает, что в римское время прекращается практика строительства гробниц «македонского типа» (подземные огромные гробницы), что, по мнению Ю. Н. Кузьмина, было связано в первую очередь с депортацией македонской элиты в Рим после Третьей македонской войны (С. 56).

Третий параграф носит название «Судьба македонской военно-политической элиты и аристократии Берои после упразднения монархии Антигонидов». Здесь рассмотрены различные сюжеты, связанные с депортацией и проживанием в Италии македонской царской семьи и аристократии (С. 56-65), а так же вопрос, были ли высланы в Рим те македоняне, которые сдались Гнею Октавию на Самофракии в обмен на свободу (С. 59-60). Ю.Н. Кузьмин приводит несколько мнений других историков о том, были ли они действительно отпущены на свободу или как и другие отправлены Эмилием Павлом в Рим? Сам автор рецензируемой работы не приводит своей позиции по данному вопросу, ссылаясь на отсутствие точной информации (С. 60). Депортация македонской элиты коснулась и местной аристократии, что проявилось в смене имен жрецов Геракла Кинега (С. 60-61) и прекращении практики строительства больших гробниц «македонского типа» (С. 62).

Вторая глава «Аристократические семьи из Берои» посвящена просопографическому анализу конкретных родов из Берои. В первом параграфе рассматривается семья «Гарпалов-Полемеев». Из шести представленных автором представителей данного рода, по крайней мере, о четырех из них можно с точностью утверждать, что они действительно принадлежали к одной семье (С. 70-71). Это были Гарпал (I), бывший эпислатом в Берое при Антигоне Гонате (С. 66), Полемей, сын Гарпала (I), командующий в армии Антигона Досона в годы Клеоменовой войны (С. 66-67), Гарпал (II), сын Полемея, «друг» царя Персея (С. 67) и живший во II-I веке до н. э. Гарпал (III), «славные предки которого... занимали важное положение и посты в городе» (С. 68). Принадлежность последнего из них к рассматриваемой семье раньше объяснялась опалой Гарпала (II), провалившего посольскую миссию⁷. Тем самым представители данного рода не являлись «виднейших македонян» и не подпадали под юрисдикцию приказа Эмилия Павла (Liv., XLV, 32, 3). Однако Ю.Н. Кузьмин полагает, что более вероятным объяснением этой ситуации является смерть Гарпала (II), чья семья в итоге избежала интернирования в Рим (С. 68, 72). Данная семья является единственным примером сохранения своей значимости в городе и в римское время (С. 75-76).

Сведения об остальных македонянах с именем Гарпал являются слишком отрывочными и не позволяют с точной уверенностью говорить о них как представителях рода «Гарпалов-Полемеев».

В завершение параграфа автор ставит вопрос о связях данного рода со знаменитым Гарпалом, сыном Махаты, казначеем при Александре Македонском. Ю.Н. Кузьми не склонен присоединять изучаемую семью к этому приближенному Александра (С. 73-75). С другой стороны точка зрения о связях данной семьи с племянником Антигона I Одноглазого Полемеем кажется автору весьма вероятной (С. 73).

⁷ Edson Ch.F. The Antigonids, Heracles and Beroea // HSCPh. Vol. 45. 1934. P. 235.

Небольшой по объему второй параграф посвящен роду «Балакров-Пантахов», занимавшему меньшее значение в городе. В отличие от «Гарпалов-Полемевв», которые, если и не были связаны кровно-родственными связями с царской династией, играли важную роль при разных Антигонидях, долгое время данная семья относилась к местной элите, пока при последних Антигонидях не превратилась в придворную (возможно, вернула утраченный в начале III века до н. э. столь высокий статус – С. 79-80). К точным представителям данной семьи можно отнести Пантахва (I), сына Балакра (I), занимавшего должность жреца в Берое (С. 76) и Пантахва (II), сына Балакра (II), посла Персея (С. 77). В завершении автор на основе эпиграфических данных римского времени приходит к выводу, что род Балакров-Пантахов был депортирован в Рим (С. 80-81), где они, вероятно, стали одними из источников Полибия при написании им своей «Всеобщей истории» (С. 81).

В третьем параграфе Ю.Н. Кузьмин рассматривает семью «Гипостратов-Каллиппов», чье значение также сводилось к локальному уровню (С. 83-84). Представителями рода были братья Гипострат и Тимокл, сыновья Каллиппы (I), командующие в войске Антигона Досона, и Каллиппа (II) сын Гипostrата, вероятно, политарх, внесший законопроект об уставе гимнасия в первой трети II века до н. э. (С. 82-83). При этом знаменитого флотоводца при царе Персее Каллиппу автор не склонен отождествлять с данной семьей (С. 83).

Во второй части данного параграфа автор пытается проследить связь некой Каллиппы, оказавшей помощь Андриску, с династиями Антигонидов и Атталидов. При этом Ю.Н. Кузьмин склонен полагать, что Каллиппа принадлежала к роду Гипостратов-Каллиппов, хотя каких-либо убедительных аргументов по этому поводу автор не приводит (С. 84-90).

Последний параграф «Другие жители Берои их возможные родственные связи» (С. 92-99) посвящен занимавшим важное место в жизни города и царства уроженцам этого города. Прежде всего, это два Мидона: посол царя Персея и его отец, один из командующих в войске Антигона Досона (С. 91), а также приближенный к последнему Антигонида Гипший (С. 92-93). Также автор приводит гипотезу о трех жрецах Асклепия Деметрие, Аполлониде и Эвбиоте, бывших сыновьями Главкия (I), чей внук Главкий (II), сын Эвбиота, был командующим в войске Антигона Досона. Однако сам Ю.Н. Кузьмин признает ненадежность данной идентификации (С. 94-95). В завершение автор приводит некоторых теородоков из Берои (Антанор, сын Неоптолема, Менандр и Апелла, сыновья Филокла), которые также могли быть связаны кровно-родственными связями со знатными представителями македонской аристократии (С. 95-97) и единичные упоминания некоторых именитых беройцев (Гиппокл, Зофир, сын Аминты, и др.).

В «Заключении» автор отмечает, что благодаря обширным эпиграфическим данным из Берои можно проследить взаимодействие локальных и придворных элит, «последствия депортации македонской военно-политической элиты в Италию в 167 году до н.э.», а также считает, что данные о рассмотренных аристократических семьях являются еще одним аргументом в пользу верности концепции Ч. Эдсона о связи Антигонидов с Бероей (С. 100-101).

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что, несмотря на тот факт, что монография выросла из ряда статей и докладов и в ней порой чувствуется некоторая разнородность, автору удалось соединить главы между собой благодаря ключевым постулатам, озвученным в «Заключении» (прежде всего, через концепцию Ч. Эдсона о важной роли Берои в царстве Антигонидов).

Труд Ю.Н. Кузьмина является, несомненно, огромным вкладом в развитие отечественного антиковедения. Данная книга будет полезна не только специалистам по античной Македонии, но и всем эллинистам (в особенности благодаря второму параграфу первой главы о политических институтах державы Антигонидов). Каждая глава сопровождается ссылками на широкий круг источников и обширную историографию. С некоторыми идентификациями Ю.Н. Кузьмина можно спорить или не соглашаться, но автору действительно удалось показать, что как сам город, так и аристократические семьи Берои занимали особое значимое место в эллинистической Македонии.

Список использованной литературы

Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005.

Зелинский А.Д. Еще раз к проблеме датировки брака будущего Деметрия II и Стратоники // ПИФК. 2012. № 4. С. 214-228.

Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009.

Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010.

Попов А.А. Греко-бактрийское царство. СПб., 2008.

Кузьмин Ю.Н. Каллиппа и Бероя // ВДИ. 2012. № 1. С. 147–154.

Кузьмин Ю.Н. Македонская аристократическая семья из Берои // ВДИ. 2008. № 3. С. 152–161.

Кузьмин Ю.Н. Пантавх, сын Балакра из Берои, и его семья // ВДИ. 2010. № 3. С. 135–140.

Семенов С.В. Деметрий II Македонский и его военный союз с критской Гортиной: к вопросу о несостоявшейся гегемонии // История и историография зарубежного мира в лицах: межвузовский сборник научных статей. Самара, 2009. С. 3-9.

Сивкина Н.Ю. Греко-македонские отношения в конце III в. до н. э.: последняя попытка интеграции. Дисс... д. и. н. Иваново, 2010.

Сивкина Н.Ю. Последний конфликт независимой Греции: Союзническая война 220-217 гг. до н. э. СПб., 2007.

Смирнов С.В. Государство Селевка I: политика, экономика, общество. *Aristeas supplementa*. V. M., 2013.

Смирнов С.В., Юрин А.И. Эпистаты в государствах Антигонидов и Селевкидов // ПИФК. 2012. № 4. С.204-213.

Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 2. Македония и Рим. Казань, 1963.

Юрин А.И. Устав гимнасия из Берои первой трети II в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб., 2012. С. 117-126.

A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Wiley-Blackwell. 2010.

Edson Ch.F. The Antigonids, Heracles and Beroea // HSCPh. Vol. 45. 1934. P. 231-246.

Tziafalias A., Helly B. 2010: Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsdôn // Studi ellenistici. 24, 71–125.

Я. Чехановец

**«Двести ослепительно белых мраморных ступеней»
К открытию выставки «Царь Ирод Великий. Последний
путь» (Herod the Great. The King's Final Journey. Exhibition
curators and catalogue eds. S. Rozenberg, D. Mevorah.
The Israel Museum. Jerusalem, 2013)**

Затем приступили к погребению царя. Архелай не остановился ни перед какими затратами; для большего блеска похоронной процессии он выставил перед народом все царские украшения. Парадная кровать была из массивного золота и украшена ценными камнями; покрывало – из чистого пурпура и пестрило узорами; тело, лежавшее на нем, было покрыто алым сукном; голову царя обвивала диадема, а над нею лежала золотая корона; правая рука держала скипетр. Парадную кровать окружали сыновья и многочисленная толпа родственников; непосредственно за ними шли телохранители, отряд фракийцев, затем германцы и галлы – все в военных доспехах. Впереди шло остальное войско, предводительствуемое полководцами и командирами, в полном вооружении; за ними следовали пятьсот рабов и вольноотпущенников с благовонными травами в руках. Тело перенесено было на расстояние двухсот стадий в Иродион, где оно, согласно завещанию, было предано земле. Таков был конец Ирода.

Jos. BJ I. 33. 9

Иудейский царь Ирод, римский ставленник, тиран и узурпатор, мегаломан и великий строитель, умер в своем зимнем дворце в Иерихоне в 4 г. до н.э. Из Иерихона пышная погребальная процессия двинулась в сорокакилометровый путь по пустыне в крепость Иродион. В 2007 г. профессор Иерусалимского университета археолог Эхуд Нецер заявил, что после многолетних поисков его экспедиции удалось обнаружить могилу Ирода.

Новые раскопки Нецера в Иродионе, памятнике, исследовавшемся на протяжении многих лет, выявили богатейший материал: сотни архитектурных фрагментов разрушенного еще в древности мавзолея, множество мельчайших осколков разбитого саркофага, небольшой театр с нарядной царской ложей. Экспедиция еще работала, когда стал обсуждаться вопрос о срочной музеефикации находок. Хрупкие фрагменты секко и лепнины необходимо было перевезти в помещения климатическим контролем, а крупные детали архитектурного декора – защитить от грабителей. В октябре 2010 г., когда археологи и специалисты из Музея Израиля обсуждали в Иродионе транспортировку находок в Иерусалим, глава экспедиции, Э. Нецер, неудачно облокотившись о хлипкое деревянное ограждение, сорвался и упал вниз с восьмиметровой высоты в кавею иродианского театра.

Э. Нецер (1934-2010) занимался Иродом на протяжении 48 лет, с тех пор, как еще не археологом, а молодым архитектором оказался на легендарных раскопках крепости Масада. Впоследствии Нецер возглавлял археологические экспедиции, работавшие практически на всех главных памятниках, связанных с именем царя-строителя: в Кесарии Приморской¹, Иерусалиме², Иерихоне³, Кипросе⁴, неоднократно возвращался в крепости Масаду⁵ и Иродион⁶. Главным результатом его многолетних трудов стали классические книги по иродианской архитектуре⁷.

Повышенное внимание Нецера и других историков и археологов к малосимпатичной фигуре Ирода может показаться странным. В сочинениях Иосифа Флавия (BJ I, 10-33; AJ XIV-XVII) Ирод предстает личностью поистине демонической: взяточничество, метания между Антонием и Октавианом в годы гражданской войны, узурпация власти, уничтожение хасмонейской царской династии, иудейской аристократии и высшего храмового духовенства, убий-

¹ Levine L.I., Netzer E. Excavations at Caesarea Maritima, 1975, 1976, 1979. Final Report. Qedem. Vol. 21. Jerusalem, 1986.

² Netzer E., Ben-Areh S. Remains of an Opus Reticulatum Building in Jerusalem // Israel Exploration Journal. Vol. 33. 1983. P. 163-175.

³ Netzer E. Hasmonian and Herodian Palaces at Jericho I. Final Reports of the 1973-1987 Excavations. Jerusalem, 2001.

⁴ Netzer E., Damati I. Cyprus // E. Netzer and R. Laureys-Chachy. Hasmonian and Herodian Palaces at Jericho II. Final Reports of the 1973-1987 Excavations. Jerusalem, 2004.

⁵ Masada I: The Yigael Yadin Excavations 1963-1965. Final Reports / Ed. by J. Aviram, G. Foerster, E. Netzer. Jerusalem, 1989.

⁶ Greater Herodium / Ed. by E. Netzer. Qedem. Vol. 13. Jerusalem, 1981; Netzer E., Kalman Y., Porath R., Chachy-Laureys R. Preliminary Report on Herod's Mausoleum and Theatre with a Royal Box at Herodium // Journal of Roman Archaeology. Vol. 23. 2010. P. 84-108.

⁷ Netzer E. 1) The Palaces of Hasmonians and Herod the Great. Jerusalem, 2001; 2) The Architecture of Herod, the Great Builder. Tübingen, 2006.

ства собственных детей и жены. Евангельский рассказ добавляет к длинному списку преступлений царя избитие вифлеемских младенцев (Мф. 2:16), – событие, не подтверждающееся другими источниками.

Тем не менее, Ирод остается главным строителем Иудеи и одним из важнейших правителей Востока античного времени⁸. За годы его правления Иудея из далекой и незначительной восточной провинции превращается в цветущую страну. Новые дороги и удобный кесарийский порт превращают ее в оживленнейший торговый перекресток. Редкие товары из Аравии и самый ценный местный продукт, опобальзам, теперь доставляются в Рим через Иудею.

В естественной средиземноморской бухте Ирод возводит великолепный город, Кесарию, и глубоководный искусственный порт, выдающееся инженерное сооружение своего времени, с глубокой гаванью и системой волноломов, опередившем портовое строительство в самом Риме на десятки лет (BJ I, 21; AJ XV, 9, 6)⁹.

Кесария Приморская, заселенная в основном язычниками, заполненная общественными зданиями, приличествующему всякому крупному городу Империи (стадион, театры, храмы и портики), стала главным светским и коммерческим центром страны. Однако столицей по-прежнему оставался Иерусалим, средоточие святости древнего иудейского царства. О грандиозном проекте реконструкции и расширения Иерусалимского храма подробно

⁸ Литература, посвященная Ироду, необозрима. Назовем несколько важнейших работ последних лет: *Judea and the Greco-Roman World in the Time of Herod in the Light of Archaeological Evidence* / Ed. by K. Fittschen and G. Foerster. Göttingen, 1996; *Richardson P. Herod, King of the Jews and Friend of Romans*. Columbia, 1996; *Roller D.W. The Building Program of Herod the Great*. Berkeley, Los Angeles and London, 1998; *Vogel M. Herodes. König der Juden, Freund der Römer*. Leipzig, 2002; *The World of the Herods*. International Conference “The World of Herods and the Nabateans” held at the British Museum, 17-19 April 2001 / Ed. by N. Kokkinos. Stuttgart, 2007; *Herod and Augustus: Papers Presented at the IJS Conference, 21-23 June 2005* / Ed. by N. Kokkinos and D.M. Jacobson. Leiden, 2009.

⁹ *King Herod’s Dream: Caesarea on the Sea* / Ed. by K.G. Holum et al. New York, 1988; *Caesarea Maritima: A Retrospective after Two Millennia* / Ed. by A. Raban. and K.G. Holum. Leiden, New York and Köln, 1996; *Caesarea Papers 2: Herod’s Temple, The Provincial Governor’s Praetorium and Granaries, The Later Harbour, A Gold Coin Hoard and Other Studies* / Ed. by K.G. Holum, A. Raban and J. Patrich. JRA Suppl. Series 35. Portsmouth, RI, 1999; о строительстве иродианского порта см. *Caesarea Papers: Sraton’s Tower, Herod’s Harbour, and Roman and Byzantine Caesarea* / Ed. by R.L. Vann. JRA Suppl. Series 5. Ann Arbor, MI, 1992; *The Harbours of Caesarea Maritima: Results of the Caesarea Ancient Harbour Excavation Project 1980-1985, II* / Ed. by J.P. Oleson. Oxford, 1994; *Raban A. The harbour of Sebastos (Caesarea Maritima) in its Roman Mediterranean context*. Oxford, 2009.

рассказывает и Флавий (BJ V, 5, 1-6; AJ XV, 11) и талмудические источники (Мишна, трактаты Мидот и Тамид), без всякой симпатии относящиеся к царю-строителю¹⁰. Всю жизнь стремившийся быть римлянином, Ирод оставался иудейским царем: он не ставил себе статуи и не чеканил монет с собственным изображением, так что мы знаем о его внешности только по беглому словесному описанию, оставленному Флавием (BJ I, 21, 13).

Парадоксальным образом, в поисках свидетельств о Святой Земле рубежа тысячелетий, иудеи и христиане находят страну, во многом созданную ненавистным им Иродом. Мир простых, маленьких людей, рыбаков, ремесленников и землепашцев, их простенькие дома, убогий быт до недавнего времени были малоизвестны. Они плохо сохранились и мало раскапывались. Зато хорошо известен бывший фоном их жизни «большой мир» – водопроводы, поставлявшие горожанам воду для питья, удобные дороги и улицы, по которым путешествовали, Иерусалимский храм, где молились, кесарийские дворцы, где их судили, и порт, откуда они отправлялись на проповедь и смерть.

Особое место в строительных проектах Ирода было отведено крепостям-дворцам. Масада, Иродион, Кипрос, Махеронт (в Трансиордании)¹¹ выстроены в пустынных, безводных, практически недоступных местах. Возможно, Ирод, постоянно ожидавший бунта, таким образом готовил для себя и своей семьи комфортабельные убежища¹². Построенные на месте хасмонейских военных гарнизонов, все иродианские крепости отличает особая архитектурная сложность, тщательно продуманная система сбора пресной воды и необыкновенная роскошь убранства. Результаты археологического исследования памятников подтверждают свидетельство Флавия о том, что Ирод «не щадил ни сил, ни денег» на строительство, и хотя «не имел нужных материалов на месте, должен был с большими издержками доставать их издалека» (AJ XV, 9, 6). Судя по всему, издалека приходилось привозить и строителей, и декорато-

¹⁰ Об археологических свидетельствах см. *Hollis F.J.* The Archaeology of Herod's Temple. London, 1934; *Mazar B.* The Excavations in the Old City of Jerusalem near the Temple Mount. Preliminary Report on the Second and Third Seasons, 1969-1970. Jerusalem, 1971; *Herodian Jerusalem in the Light of the Excavations South and South-West of the Temple Mount* // *Israel Exploration Journal* 28 (1978). P. 230-237; *Businik T.A.* Der Tempel von Jerusalem, von Salomo bis Herodes. Leiden, 1980; *Ben-Dov M.* The Dig at the Temple Mount. Jerusalem, 1982 (Hebrew); *Levine L.I.* Jerusalem. Portrait of the City in the Second Temple Period (538 BCE – 70 CE). Philadelphia, 2002; *Ritmeyer L.* The Quest. Revealing the Temple Mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006.

¹¹ *Corbo V.* La Fortezza di Macheronte (Al Mishnaqa) // *Liber Annuus*. Vol. 30. 1980. P. 365-376; *Vörös G.* Machaerus Revealed: Anastilos and Architectural Reconstruction after the Survey and Excavations of the Archaeological Monument // *Liber Annuus*. Vol. 61. 2011. P. 555-573.

¹² *Netzer E.* The Architecture of Herod, the Great Builder. Tübingen, 2006. P. 202-217.

ров: в иродианских постройках применялись самые современные строительные технологии того времени и самый модный декор, лежащие вне сферы знаний и умений иудейских мастеров¹³.

Крепость Иродион, названная Иродом в честь самого себя, расположена в пустыне между Иерусалимом и Вифлеемом. Иродион уникален даже в ряду самых фантастических проектов Ирода. Искусственно насыпанный холм по форме похож на вулкан, в «кратере» которого располагались царские дворцы, окруженные стенами с четырьмя круглыми башнями. Вот как описывает его Флавий: «Двести ослепительно белых мраморных ступеней вели вверх к замку, потому что холм был довольно высок и целиком составлял творение человеческих рук. У подошвы его Ирод выстроил другие здания для помещения утвари и для приема друзей. Изобилие во всем придавало замку вид города, а занимаемое им пространство – вид царского дворца» (ВJ I, 21, 10).

Дворец-крепость на вершине был раскопан научной экспедицией францисканцев под руководством о. В. Корбо в 1962-1967 гг.¹⁴ Нижний Иродион – дворцовые здания у подножья холма – был раскрыт экспедицией Э. Нецера, работавшей в 1972-1987 гг. (с перерывами). Исследования выявили существование великолепных дворцовых и хозяйственных помещений, сложную систему водосборников, бани и фонтаны. Не находили только одного – царской гробницы. Начиная с 2000 г. Нецер несколько раз возвращался в Иродион, проводя пробные раскопы, пока не появилась идея начать поиски мавзолея на склоне холма. Казалось, что за годы, проведенные за изучением архитектурного наследия Ирода, Нецер обрел способность проникать в его замыслы: так уверенно он чертил схемы расположения ненайденной гробницы, приговаривая: «Конечно, он должен был построить ее именно здесь». Вскоре были выявлены погребенные эрозией крупные архитектурные детали: обломки капителей и фризов, чуть позже показался остов каменной лестницы, ведущей на вершину Иродиона. Мрамора, описанного Флавием, здесь, как и в других царских постройках, не было и в помине, но камни, извлеченные из земли, действительно были ослепительно белыми. Вскоре были найдены фрагменты трех каменных саркофагов, украшенных резьбой, двух из белого известняка и одного – из красного, разбитых на множество частей. Постепенно начали вырисовываться контуры постройки: на склоне когда-то стоял нарядный трехъярусный мавзолей, напоминающий монументальные гробницы Иерусалима того времени¹⁵. Рядом был обнаружен небольшой театр с цар-

¹³ *Netzer E.* The Architecture of Herod. P. 309-319; *Rozenberg S.* Wall Paintings of the Herodian Period in the Land of Israel // *Netzer E.* The Architecture of Herod. P. 350-376.

¹⁴ *Corbo V.* Herodion I: Gli Edifici della Reggia Fortezza. Gerusalemme, 1989.

¹⁵ *Avigad N.* Ancient Monuments in the Kidron Valley. Jerusalem, 1954 (Hebrew); *Kloner A., Zissu B.* The Necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period. Leuven and Dudley, 2007.

ской ложей и множество других помещений.

Поначалу предполагалось устроить выставку находок из Иродиона, но очень быстро было решено посвятить экспозицию царствованию Ирода в целом¹⁶. В пресс-релизе указано, что экспозиция состоит из «250 артефактов и 30 тонн камней», однако она не производит впечатления нагроможденных друг на друга вещей. Напротив, строителям удается представить каждую из избранных тем всего несколькими точными деталями, иногда очень неожиданными. Концептуально, выставка выстроена как бы по пути следования погребальной процессии Ирода, из Иерихона в Иродион. Посетитель попадает в выставочные залы, проходя мимо огромных, во всю стену, фотографических пейзажей Иудейской пустыни, лежащей между двумя царскими резиденциями. В первом зале полностью восстановлена одна из комнат иерихонского дворца, украшенная фресками. В витринах – редкие находки из Иерихона: фрагменты фресок и секко тончайшей работы, и тут же – мисочки с красками, брошенные декораторами, расписывавшими дворец; цветочные горшки из дворцового зимнего сада, совсем как нынешние, с дырками для стока лишней воды. Рядом, на наборном полу выставлена каменная ванна, вызывающая в памяти рассказ о предсмертных мучениях царя (VJ I, 33, 5). В следующем зале представлена строительная деятельность Ирода. Из множества свидетельств выбраны находки из двух столиц – Иерусалима и Кесарии. Среди нарядных деталей кудрявого резного декора особенно мощно смотрится стоящий на полу простой 30-тонный каменный блок в половину человеческого роста. Из таких блоков строилась Храмовая гора, возведенный Иродом искусственный подиум иерусалимского святилища. Далее представлен Ирод – союзник Рима. В экспозиции представлена мраморная статуя Августа, найденная в Себастии, римский импорт – серебряная и стеклянная столовая посуда. Рядом выставлены найденные на Масаде и Иродионе амфоры. Судя по надписям на горлышках сосудов, они были заполнены разными деликатесами: кумскими яблоками, гарумом и итальянским вином. Одна из латинских надписей гласит: «Филонийское [вино для] Ирода, царя Иудейского». В отдельной витрине – свидетельства главного богатства Иудеи, благовонного опобальзама (Plin. NH XII-XIII; Jos. VJ I, 6, 6; I, 18, 5; IV, 8, 3; AJ 8, 174; 9, 7; 14, 54 et al.), бережно завернутый в пальмовое волокно кувшинчик с остатками смолистого растительного сока, найденный возле Кумрана, и большой сосуд с хорошо читающейся надписью на арамейском: «бальзам». Дальнейшее развитие экспозиции приводит посетителей в зал с большим экраном, где демонстрирует-

¹⁶ Выставка подготовлена кураторами античной коллекции Музея Израиля Давидом Меворахом и Сильвией Розенберг, при участии членов археологической экспедиции Иродиона: Рои Пората, Якова Кальмана, Рахель Чачи и Маркуса Эделькоппа. Первоначальный план экспозиции был разработан Эхудом Нецером.

ся короткий фильм об Эхуде Нецере, памяти которого посвящена выставка, и о новых раскопках Иродиона. В этом зале вовсе нет экспонатов, за исключением эскиза реконструкции мавзолея, набросанного Нецером за несколько часов до гибели.

Последние залы посвящены Иродиону. Здесь восстановлена царская ложа театра, с уникальными для Иудеи росписями-обманками и лепниной. По предположению Нецера, театр был выстроен специально к визиту Марка Агриппы в Иудею в 15 г. до н.э., а позднее, при строительстве мавзолея, был засыпан¹⁷. В процессе раскопок на стенах и на полу царской ложи были обнаружены тысячи фрагментов расписанной штукатурки с прекрасно сохранившимся красочным слоем. Над реконструкцией росписей и лепнины работало несколько десятков реставраторов. Их усилиями были восстановлены, в том числе, и три окна-обманки, с тщательно прорисованными распалубными ставнями, со всеми заклепками, гвоздиками и веревочками. Из Иродиона видна была только пустыня, а за нарисованными окнами открывались александрийские пейзажи, гнущиеся на ветру деревья, люди, животные, входящие в гавань корабли.

Стартовавшая в Иерихоне погребальная процессия приходит к иродионскому мавзолею. Из множества фрагментов был восстановлен верхний ярус погребального памятника. В процессе реставрации выяснилось, что один из обломков резного карниза был найден еще в 1970-х годах, и почти 30 лет украшал садик Института археологии Иерусалимского университета. Полная реконструкция гробницы в музейных залах невозможна: по подсчетам, он достигал 25-метровой высоты. Внутри конуса мавзолея стоит собранный из множества фрагментов резной саркофаг из красноватого известняка. «Таков был конец Ирода».

К открытию выставки было приурочено и издание книги, вышедшей на английском и на иврите¹⁸. Это не каталог, а сборник исторических, архитектурных и археологических эссе, посвященных различным аспектам царствования Ирода и первая научная публикация результатов новых раскопок в Иродионе. Несколько глав написаны Э. Нецером: «Herod, Master Builder», «The Main Features of Herod's Architecture» и членами иродионской экспедиции: «Herodium»; «The Tomb Complex at Herodium». Заслуживают внимания исторические главы: эссе Дж. Каррана «Herod and Augustus» – не столько об отношениях Ирода с Августом и его зятем Марком Агриппой, своим визитом в Иудею вдохновившем Ирода на удивительные строительные проекты, сколько о фигуре Ирода на фоне Империи, – и статья Д. Шварца «Herod the Great:

¹⁷ Netzer E., Porat R., Kalman Y., Chachy R. Herodium // Herod the Great. The King's Final Journey / Ed. by Rozenberg S., Mevorah D. Jerusalem, 2013. P.156.

¹⁸ Herod the Great. The King's Final Journey. Jerusalem, 2013.

A Matter of Perspective», о постепенно меняющейся в историографии точке зрения на годы иродова царствования. Важны также археологические части сборника: статья С. Розенберг «Interior Decoration in Herod's Palaces» – о мозаиках, лепнине, и росписях в иродианских дворцах, впервые вводящая в научный оборот в том числе и находки из Иродиона; статья А. Экера «Dining with Herod», посвященная эпиграфическому материалу, свидетельствующему об импорте вина и закусок из Италии.

Открытие выставки стало огромным событием в культурной жизни Израиля и немало способствовало всплеску общественного интереса к археологии. Помимо высочайшего качества музейной экспозиции, огромную роль в этом сыграла трагическая гибель Э. Нецера. Десятки лет преподававший в Иерусалимском университете Нецер был учителем нескольких поколений израильских археологов. Автор популярных книг, он был хорошо известен и широкой публике, а смерть на раскопках и вовсе превратила его в персонажа почти легендарного. Иродионская экспедиция, при жизни своего руководителя с трудом собиравшая необходимые средства для продолжения работ, была засыпана пожертвованиями частных благотворителей и даже, – редчайший случай в израильской практике, – получила небольшое государственное финансирование. Новый бюджет позволил провести необходимые реставрационные работы на памятнике и приступить к подготовке публикаций археологических отчетов. Частные пожертвования сделали возможной и работу музейных реставраторов, и устройство дорогостоящей выставки.

Неожиданно для археологического сообщества, экспозиция вызвала волну критики, мотивированной далекими от науки соображениями. Свой протест заявили власти Палестинской автономии. Дело в том, что крепость Иродион, находящаяся в 12 км от Иерусалима, расположена на палестинских территориях, захваченных Израилем в 1967 г. По мнению палестинских властей, раскопки на этих землях и транспортировка находок в Израиль незаконны, а потому нелегитимным является и проведение выставки. Уверения директора Музея Израиля в том, что по окончании выставки находки будут возвращены в Иродион, как только там появится подходящее хранилище, не были восприняты всерьез палестинской стороной. Впрочем, как и израильской: ясно, что удаленный и плохо охраняемый памятник немедленно подвергнется разграблению. На сегодняшний день экспозиция не может быть показана в других странах: по палестинскому иску ее могут попросту арестовать. Судьба экспонатов по окончании выставочного периода, таким образом, также остается неясной.

Воспользовавшись общественным интересом к выставке, со своей инициативой выступил совет еврейских поселений, расположенных на пале-

стинских землях. Чтобы привлечь туристов, было предложено построить на склоне Иродиона макет мавзолея из легких современных материалов, в натуральную величину (напомним, что высота мавзолея составляла около 25 м). Несмотря на протесты ученых, эта странная затея, грозящая обезобразить археологический памятник, была одобрена государственным Управлением национальных парков, структурой, призванной охранять историческое наследие.

Политические игры вокруг памятника и выставки заслонили главную проблему: действительно ли в Иродионе была обнаружена гробница Ирода Великого? Ему ли принадлежал резной саркофаг из красного камня, лишенный, как и мавзолей, и следов погребальной надписи? Кем были еще двое, похороненные рядом? Верна ли реконструкция событий, предложенная Нецером?

Первые критические реплики прозвучали сразу после сенсационного заявления об открытии гробницы, однако исследователи ждали научной публикации результатов раскопок. Трагическая гибель Нецера на некоторое время сделала любую критику неуместной. Возможно, очень скоро появятся первые серьезные работы, призывающие пересмотреть выводы иродионской экспедиции.

Список использованной литературы

- Avigad N.* Ancient Monuments in the Kidron Valley. Jerusalem, 1954 (Hebrew).
Ben-Dov M. The Dig at the Temple Mount. Jerusalem, 1982 (Hebrew).
Businik T.A. Der Tempel von Jerusalem, von Salomo bis Herodes. Leiden, 1980.
Caesarea Maritima: A Retrospective after Two Millennia / Ed. by Raban A., Holum K.G. Leiden, New York and Koln, 1996.
Caesarea Papers 2: Herod's Temple, The Provincial Governor's Praetorium and Granaries, The Later Harbour, A Gold Coin Hoard and Other Studies / Ed by Holum K.G., Raban A., and Patrich J. JRA Suppl. Series 35. Portsmouth, RI, 1999.
Caesarea Papers: Sraton's Tower, Herod's Harbour, and Roman and Byzantine Caesarea / Ed. by Vann R.L. JRA Suppl. Series 5. Ann Arbor, MI, 1992.
Corbo V. Herodion I: Gli Edifici della Reggia Fortezza. Gerusalemme, 1989.
Corbo V. La Fortezza di Macheronte (Al Mishnaqa) // Liber Annuus 30. 1980. P. 365-376.
Greater Herodium / Ed. by Netzer E. Qedem 13. Jerusalem, 1981.
Herod and Augustus: Papers Presented at the IJS Conference, 21-23 June 2005 / Ed by Kokkinos N., Jacobson D.M. Leiden, 2009.
Herod the Great. The King's Final Journey / Ed. by Rozenberg S., Mevorah D. Jerusalem, 2013.
Hollis F.J. The Archaeology of Herod's Temple. London, 1934
Judea and the Greco-Roman World in the Time of Herod in the Light of Archaeological Evidence. / Ed. by Fittschen K., Foerster G. Göttingen, 1996.
King Herod's Dream: Caesarea on the Sea / Ed. by Holum K.G. et al. New York, 1988.

Kloner A., Zissu B. The Necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period. Leuven and Dudley, 2007.

Levine L.I. Jerusalem. Portrait of the City in the Second Temple Period (538 BCE – 70 CE). Philadelphia, 2002.

Levine L.I., Netzer E. Excavations at Caesarea Maritima, 1975, 1976, 1979. Final Report. Qedem 21. Jerusalem, 1986.

Masada I: The Yigael Yadin Excavations 1963-1965, Final Reports / Ed. by Aviram J., Foerster G., Netzer E.. Jerusalem, 1989.

Mazar B. Herodian Jerusalem in the Light of the Excavations South and South-West of the Temple Mount // Israel Exploration Journal 28. 1978. P. 230-237.

Mazar B. The Excavations in the Old City of Jerusalem near the Temple Mount. Preliminary Report on the Second and Third Seasons, 1969-1970. Jerusalem, 1971.

Netzer E. Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho I, Final Reports of the 1973-1987 Excavations. Jerusalem, 2001.

Netzer E. The Architecture of Herod, the Great Builder. Tübingen, 2006.

Netzer E. The Palaces of Hasmoneans and Herod the Great. Jerusalem, 2001.

Netzer E., Ben-Arieh S. Remains of an Opus Reticulatum Building in Jerusalem // Israel Exploration Journal 33. 1983. P. 163-175.

Netzer E., Damati I. Cyprus // Netzer E. and Laureys-Chachy R. Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho II, Final Reports of the 1973-1987 Excavations. Jerusalem, 2004.

Netzer E., Kalman Y., Porath R., Chachy-Laureys R. Preliminary Report on Herod's Mausoleum and Theatre with a Royal Box at Herodium // Journal of Roman Archaeology 23. 2010. P. 84-108.

Raban A. The harbour of Sebastos (Caesarea Maritima) in its Roman Mediterranean context. Oxford, 2009.

Richardson P. Herod, King of the Jews and Friend of Romans. Columbia, 1996.

Ritmeyer L. The Quest. Revealing the Temple Mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006.

Roller D.W. The Building Program of Herod the Great. Berkeley, Los Angeles and London, 1998.

Rozenberg S. Wall Paintings of the Herodian Period in the Land of Israel // Netzer E. The Architecture of Herod, the Great Builder. Tübingen, 2006. P. 350-376.

The Harbours of Caesarea Maritima: Results of the Caesarea Ancient Harbour Excavation Project 1980-1985 / Ed by Oleson J.P. Vol. II. Oxford, 1994.

The World of the Herods. International Conference "The World of Herods and the Nabateans" held at the British Museum, 17-19 April 2001 / Ed. by N. Kokkinos Stuttgart, 2007.

Vogel M. Herodes. König der Juden, Freund der Römer. Leipzig, 2002.

Vörös G. Machaerus Revealed: Anastilosis and Architectural Reconstruction after the Survey and Excavations of the Archaeological Monument // Liber Annuus 61. 2011. P. 555-573.

К 60-летию Валерия Павловича Никонорова

20 октября 2013 года исполнилось шестьдесят лет историку и археологу, старшему научному сотруднику Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН Валерию Павловичу Никонорову.

Валерий Павлович Никоноров – коренной ленинградец. Он родился в городе на Неве в 1953 г. В 1977 г., после службы в армии и имея трудовой опыт, Валерий Павлович поступил на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета, где специализировался по кафедре истории древней Греции и Рима. В 1983 г. он окончил ЛГУ, защитив под научным руководством А.Б. Егорова дипломную работу на тему «Рим и Сасаниды в III в.». В том же году он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР: тогда в сектор Средней Азии и Кавказа требовался молодой квалифицированный специалист, и Э.Д. Фролов рекомендовал В.П. Никонорова. Интересы дипломированного историка осуществились: его всегда манил загадочный Восток, история и культура древней Азии. В 1988 г. под научным руководством В. М. Массона (Археология Ближнего Востока и Центральная Азия) Валерий Павлович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вооружение и военное дело в Парфии».

С осени 1983 г. судьба В. П. Никонорова связана с легендарным ЛОИА (ныне – ИИМК РАН), где он трудится и поныне в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа. Экспертизы, доклады, публикации, научное редактирование, командировки и археологические экспедиции. Еще летом 1982 г. Э.Д. Фролов направил Валерия Павловича во главе группы студентов кафедры для прохождения археологической практики в Крыму. Командировка в Китей, раскопками которого тогда руководил Е.А. Молев, стала первым археологическим опытом В.П. Никонорова. Эта «экспедиция» во многом оказалась поворотной: полученный в то время археологический опыт еще более укрепил и подстегнул его интерес к древней истории. Потом были десятки других полевых сезонов: с 1982 по 2002 г. он участвовал в раскопках памятников, принадлежащих к разным эпохам (от неолита до раннего средневековья), на территории Туркменистана (Джейтун, Алтын-Депе, Йылгынлы-депе, Старая Ниса, Экр-Кала в Старом Мерве), Узбекистана (Зартепе, Кампыртепа, Каладжик), Украины (Китей, Героевка в Восточном Крыму), России (близ Геленджика) и даже на юге далекого Вьетнама.

Своими учителями в античной истории В.П. Никоноров называет Э.Д. Фролова, Ю.В. Андреева и А.Б. Егорова, в классических языках –

В.П. Казанскене, а наставником в практической археологии считает В.М. Массона.

Научные интересы В.П. Никонорова связаны прежде всего с археологическими изысканиями. Приоритетными направлениями его исследований являются: военная археология и военное дело греко-римского мира, Ирана и Центральной Азии (от эпохи раннего железного века до поздней античности); сведения древнегреческой и латинской письменной традиции об Иране и Центральной Азии; историография древней истории. Валерий Павлович опубликовал около сотни работ на русском, английском и немецком языках: это научные исследования, переводы, библиографические своды; он – автор и научный редактор более двадцати сборников статей и монографий. В 1997 г. в Англии вышел написанный им двухтомник по военной истории Бактрии (*The Armies of Bactria, 700 B. C. – 450 A. D. Vol. I–II. Stockport*). В 2004 г. в соавторстве с Ю.С. Худяковым он опубликовал книгу «"Свистящие стрелы" Мадонья и "Марсов меч" Аттилы: военное дело азиатских хунну и европейских гуннов» (СПб.). Под его редакцией были изданы сборник «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура» (СПб., 2005), второй том знаменитого ЗВОРАО (Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Новая серия. Т. II (27). СПб., 2006) и ряд других научных изданий. Кроме того, Валерий Павлович инициировал и подготовил к изданию перевод «классического» труда английского ученого Н.К. Дибвойза «Политическая история Парфии» (СПб., 2008), выступив в данном случае как переводчик, автор вступительной статьи (в соавторстве с польским коллегой М.Я. Ольбрыхтом) и составитель колоссального (почти на шестьсот страниц!) библиографического приложения. При этом более десяти лет Валерий Павлович является ответственным редактором серии научно-популярных книг по военной истории древности и средневековья «*Militaria antiqua*» (Издательский центр «Петербургское востоковедение»), а с 2005 г. – заведующим редакцией литературы исторического профиля в Издательстве филологического факультета СПбГУ, выпустившем десятки книг отечественных и зарубежных ученых по археологии, античной и средневековой истории, истории Ирана и Средней Азии.

С начала 1990-х гг. В. П. Никоноров стажировался и выступал с лекциями в европейских и американских университетах, в частности: в 1992–1993 гг. в Йельском университете; в 1993 г. в университете Мюнстера; в 2000–2001 гг. в университете Хьюстона; в 2005 г. в университете Принстона; в 2007–2008 гг. в Ратгерском университете). Читал он лекционный курс по истории Греко-Бактрийского царства и студентам своей родной кафедры – на историческом факультете СПбГУ. В.П. Никоноров – постоянный участник международных конференций по военному делу античности, проводившихся в России, Англии,

Германии, Польше, США, Туркмении, Узбекистане и др. Итогом его многочисленных поездок явились не только научные, но и дружеские контакты с учеными всего мира.

Люди малознакомые с Валерием Павловичем не скажут, что он доступен запросто, скорее уж избирателен, насторожен к новым знакомствам. Но с теми, к кому расположен, он всегда щедро делится идеями, личными контактами, временем, а нередко и одаривает книгами из своей потрясающей научной библиотеки... Любит говорить, но умеет и слушать собеседника, обаятелен и обладает тонким чувством юмора. Кроме учености, сочетающейся в себе и глубинные знания истории, и эрудицию, и особый такт, Валерий Павлович обладает еще одним великолепным качеством: он – превосходный симпозиаст и радушный гостеприимец.

Сотрудникам кафедры истории древней Греции и Рима исторического факультета СПбГУ и другим коллегам хочется от всей души поздравить Валерия Павловича Никонорова с его юбилеем, пожелать ему крепкого здоровья, а также дальнейшей плодотворной исследовательской деятельности. АГАӨНН ТҮХНН!

Э.Д. Фролов

In memoriam: памяти профессора Василия Ивановича Кузищина (1.11.1930 – 28.02.2013)

Отечественная наука древней истории понесла большую потерю: в феврале этого года скончался крупнейший исследователь античности, профессор Московского государственного университета Василий Иванович Кузищин. Долгие годы он возглавлял кафедру истории древнего мира в Московском университете и играл заметную роль в жизни всего российского антиковедения. В.И. Кузищин составил себе имя прежде всего фундаментальными трудами по истории аграрных отношений и рабовладения в древнем Риме. Особенно важны в этой связи его исследования мелкого парцеллярного хозяйства, ориентированных на товарное производство пригородных вилл и, наконец, явившихся сравнительно поздно латифундий. Вместе с тем надо подчеркнуть, что научная и связанная с ней организаторская деятельность В.И. Кузищина отличалась исключительной широтой. В 1970-е гг. он стал инициатором подготовки, а затем и издания первого в нашей стране всеобъемлющего пособия по историографии античной истории. Он был также организатором археологической практики московских студентов в древнем Херсонесе, причем сам руководил раскопками усадеб на Гераклейском полуострове. Особо надо упомянуть об издании под редакцией В.И. Кузищина университетских учебников по истории древнего Востока, истории Греции и Рима. Под

его же руководством были изданы объемистые хрестоматии по древней истории. Эти издания остаются незаменимыми пособиями для всех, кто в той или иной степени изучает историю древнего мира.

В.И. Кузищин приложил много труда для установления и развития научных контактов возглавляемой им кафедры истории древнего мира в Московском университете с кафедрой истории древней Греции и Рима в Петербургском университете. Проводившиеся под его руководством «Сергеевские чтения» стали важным местом взаимодействия наших кафедр, как, впрочем, и многих других кафедр и институтов нашей страны. И до сих пор сотрудники Петербургской кафедры продолжают принимать активное участие в проводимых в Москве «Сергеевских чтениях». Меня лично связывала с В.И. Кузищиным крепкая дружба, и я с теплотой вспоминаю о наших встречах в Москве и Ленинграде (Петербурге). Мне всегда импонировали трезвые и решительные суждения В.И. Кузищина по поводу наших научных мероприятий или работы наших коллег. Меня также восхищала его исключительная работоспособность и умение в короткий срок охватить и обработать исторический материал. Для меня Василий Иванович Кузищин был и остается образцом умного и энергичного ученого и организатора науки.

Сотрудники кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ выражают глубокое соболезнование коллегам и родственникам В.И. Кузищина в связи его кончиной. Образ В.И. Кузищина останется в нашей памяти, чему всегда будут способствовать созданные им научные труды.